

СКАЗКИ
ПОГРЕБЕЛЬНОЙ
ЯВКИ

Анна Хешвайн

Анна Хешвайн

Сказки погребальной лавки

«Автор»

2026

Хешвайн А.

Сказки погребальной лавки / А. Хешвайн — «Автор», 2026

Меня зовут Лидия. Я расскажу о себе и поделюсь с вами историями о жреце Бога Смерти, посмевшем бросить вызов жизни, о шамане, которого захватил падкий на мясо дух, о человеке, превратившем свою жизнь в месть, о том, насколько злыми могут оказаться воображаемые друзья, и о многих других я вам расскажу, но обещаю – только о самых достойных. Скучные истории я проходила мимо. Но главные здесь, все же не я и не бедные души, что превратились в уложенные в строки слова. В первую очередь я хочу рассказать о существе, что держит в плену несчастные души, уложенные в красивые погребальные урны. О нет, не души. Конечно, никто не в силах пленить души. Или может?

© Хешвайн А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Слово	6
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Анна Хешвайн

Сказки погребальной лавки

Предисловие

*Мишстой порослью стихи
Льются дымом табака,
Мажут красною помадой,
Разливаются вином.
Ты читай, читай, читай,
Но не запомни ни строки.
Окупись лишь в черный бархат
Назревающей тоски.*

Слово

Город стремительно набивал себе цену, одеваясь в золото и самоцветы: багряно-золотая листва на деревьях и на обсидиановых тротуарах, хрустальные витражи в обрамлении рам из красного дерева, рубиново-кирпичные стены и малахитовые крыши домов. В воздухе тоже витали только лишь дорогие запахи: сбывшихся мечтаний, ясного будущего и простого человеческого счастья.

Мне не раз доводилось ходить по одним и тем же улицам вот уже много лет, но мне все равно не надоедает это делать. Город мал, улицы короткие, население малочисленно и узнаваемо едва ли не с первых дней моей жизни. Я люблю этот город, эту маленькую крепость, в которой надежнее всего удерживает осаду бархатная осень.

Лето здесь знойное, а потому чаще всего горожан оно проходит стороной – в жару редкий смельчак высунется из прохлады своего жилища. Зима щедра на снег, отчего снова из дома толком не выйти – замечает пороги так сильно и так споро, что быстро наступает отчаяние вкупе с пониманием, что не выкопаться из-под этих сугробов ни за что, даже если на кону собственная жизнь. Весна закономерно малоприятна для праздных вылазок – тонны снега начинают таять, а потому наш городок превращается в озеро. Однажды жители отрастут себе жабры и смогут жить только в весеннее половодье, но пока выходит так, что жить на полную можно только по осени, когда жара уже отступает, а снег еще не выводит свою белую армию. Таким образом, это был город Вечной Осени.

Наступила моя двадцатая осень, а это означало, что пора и честь знать из отчего дома. Я знаю, что мои родители любят меня, но с наступлением золотого сезона им снизошло откровение: они меня любят, но лучше всего они с этой задачей справятся, если я не буду жить с ними под одной крышей. Поэтому мои чемоданы были выставлены, а уздцы судьбы переданы в мои собственные руки. Мне ничего не оставалось, как начать обеспечивать себя самой. А я и не против, ведь жизнь идет своим чередом, пора изведывать и что-то новое. Самостоятельную жизнь, например.

Больше всего на свете я хочу жить, наслаждаясь той красотой, что меня окружает. И работу я себе нашла такую, что всегда бы мне напоминала, что я живая. И этим осенним днем, наполненным вежливыми беседами с повстречавшимися на улице знакомыми, запахами палой листвы и мерным плеском реки, протянувшейся через весь город, я впервые шла на работу.

Не могу сказать, почему мой выбор пал именно на погребальную лавку. Пока я шла к ней от своего дома, на моем пути встречались пекарни, источающие животрепещущий запах свежего хлеба, цирюльни, скобяные лавки, свечные лавки, палатки с цветами, сладостями, сувенирами, книжные лавки, шляпные, ателье готового платья и много чего еще. Но я остановила свой выбор именно на погребальной лавке. Наверное, именно в таком месте лучше всего ощущается жизнь. Только встречаясь лицом к лицу со смертью, острее всего понимаешь, что твоя жизнь ценна и одновременно бесценна. Скажу наперед: смерть порой выходит дороже, чем жизнь. Нынче такие реалии, если хочешь быть достойно погребенным, то изволь заплатить за это хорошую цену.

Эта лавка вполне обычная, если не считать одной особенности. Обычно ведь как – живые приходят договариваться за своих мертвых. В этой же лавке клиентами были сами мертвецы, в буквальном смысле. Каждый сам за себя – эпоха самостоятельности и независимости налицо. Или на надгробии.

Они приходили, изъявляли о своем желании, а впоследствии живой родне умерших приходило скорбное письмо, в котором сообщалась последняя воля почившего – быть похороненным при содействии именно этой погребальной лавки в такой-то день, в такой-то час, в таком-то антураже. Живым оставалось только заплатить и явиться в назначенное время. Для

тех живых, что вдруг решали пойти против воли усопшего, проводился показательный спиритический сеанс. После такого многих начинала мучить совесть.

Возможно, именно это меня и привлекло. Меня всегда интересовало то, о чем думают уже отошедшие от мирских дел. Все эти спиритические ритуалы, кои проводятся на каждом углу в нашем городе, не всегда вызывают доверие. Я лично знаю настоящих медиумов, способных выходить на контакт с душами, но обычно в их привычках делать из этого иммерсивные шоу. Они зарабатывают на этом деньги, а мне вот такое уже не по душе. В этом уже не было ничего сакрального.

Одно из условий приема на работу в погребальную лавку – навык общения с духами. Частично я подходила под это требование, потому что моя бабушка славилась такими способностями. Какой-то кусочек по наследству перепал и мне, наряду с другими дарами: отваживать от себя дурной глаз, находить общий язык с растениями и излишняя чувствительность к переменам погоды. Но вместо всего этого в своем резюме я упомянула, что легко всему учусь и быстро приспосабливаюсь к окружающим меня обстоятельствам. А еще, что меня очень сложно чем-то напугать.

Я никогда не бывала в этой лавке, даже свое резюме оставляла в почтовом ящике, что в форме аккуратной коробочки стоял у короткой лесенки, ведущей на уютное и довольно милое крылечко лавки. Ответ же я получила тем же способом, через письмо, доставленное мне на дом незримым курьером. Уже вскрывая конверт из плотной бумаги, я почувствовала свою исключительность. Быть может, кроме меня не было кандидатов на должность подмастерья деятеля загробного мира, и тогда сама судьба благословила меня на это дело?

Я решила, что должна выглядеть так, чтобы не вызывать зависть у мертвых. Моя одежда была простой, мешковатой, в серых оттенках. Единственное, от чего я не отказалась, – от красной помады на губах. Во-первых, без нее мое лицо совсем становится блеклым, а во-вторых, я не хочу вызывать зависть мертвых, но и не хочу, чтобы меня ненароком перепутали с кем-нибудь из них. Все же нужна какая-то отличительная черта, так я решила.

Остановилась возле маленького, исключительно миловидного домика, украшенного лентами плюща, венками из кленовых листьев и милыми рельефными вазонами с алыми кустиками в них. Как на картинке.

Я прошла по выложенной плиткой дорожке, поднялась по трем невысоким ступеням и, взявшись за медное кольцо в форме змеи, кусающей свой хвост, несколько раз постучала. Дверь открылась, родившийся сквозняк закрутил горсть опавших листьев и бросил их прямоком через порог. Будто незримые духи, что давно ждали возможности войти в этот красивый домик, наконец смогли проскользнуть в него, прикинувшись охапкой листьев.

Я замялась в нерешительности. Меня никто не пригласил, никто не поприветствовал. Дверь открылась случайно, и могу ли я вот так войти? Нужно действовать решительно. Трусиху не примут не только в погребальную лавку, но и на любую другую работу.

Я вхожу в лавку.

Переступив через порог, я оказалась сразу в маленькой гостиной. Только прямоугольник коврика у двери как-то отличал входную зону. На коврике цветастыми нитками было вышито: «Не укради».

Порядком удивившись, я сделала несколько шагов, в тщетной попытке увидеть владельца этой лавки, но пока на глаза попадалось только то, что какого-нибудь слабого на руку могло сподвигнуть к краже. Можно было бы счесть эту гостиную музеем-хранилищем всего мира, если бы не присутствовали следы обжитости. В центре комнаты круглый стол с камчатной скатертью и чайным сервизом, подле него три стула с мягкими подушками. А вокруг – хаос красок и хаос истории. На стенах картины, образцы коллекционного оружия, диких животных маски, чучела голов животных и даже лики богов. Вдоль стен на полках книги, сервизы, статуэтки,

шкатулки и иное неопознанное барахло. На полу статуи, горшки с цветами, вазы в половину роста человека, полноразмерный доспех древнего воина, представляющий железный кокон с игривым плюмажем, и все это придавливает своим весом ковры, настеленные друг на друга и создающие какой-то головокружительный общий рисунок, отдаленно напоминающий картину сотворения мира. А на потолке зеркала. Разной формы, разного размера, в массивных рамах. Как они крепились к потолку – знать не хотелось, но нужна была уверенность, что закреплены они прочно.

Мои глаза разбегались, я не могла сосредоточиться, а потому не сразу распознала, что меня все-таки встретили. Во всем этом многообразии я не увидела человеческую фигуру, добродушно глядящую на меня, но в свое оправдание скажу, что фигура эта в действительности мало чем была похожа на живого человека. Едва увидев, я сочла, что это еще один экспонат удивительной гостиной. Но нет. Это тот, кто властвует в этом океане артефактов.

И снова я в замешательстве.

– Добрый день, я...

– Лидия, – перебивает меня мой наниматель. – Прекрасное имя. И вы прекрасны. Чудесно впишитесь в общий интерьер. Люблю, когда человек гармонично сочетается со всем миром, а не только с отдельными его элементами.

Я растерянно улыбаюсь, сбита с толку вылившимся на меня словесным потоком. Словно по пороистой реке на хилой лодке прошлась.

– Мое имя Гонтия. – И вежливая улыбка не сходит с лица.

Стараюсь не делать поспешных выводов. Я готовила себя к престарелому мужичку, на лице которого отпечатались следы скорбного дела, представляла сухую женщину с холодными глазами, склонную к затяжному молчанию. Но я никак не ожидала, что встреченное мною существо – именно существо – будет отличаться от всех канонов человеческого облика.

Первое впечатление – это все же мужчина. Но чем дольше смотрю, тем отчетливее вижу женщину. Голос Гонтии – приятный, вкрадчивый, но не басовитый и не визгливый. Кожа все равно что фарфор, волосы – шелковые нити. Лицо – картина, волосы – обрамляющая рама для прекрасного лица. Губы на бледном лице подобны изгибу лука. Никогда не любила эти вычурные сравнения, которыми грешат многие рассказчики, но это первое, что пришло мне на ум. Возможно потому, что за спиной Гонтии висел как раз-таки охотничий лук.

Эту внешность нельзя решительно определить как красивую, но было в ней нечто магнетическое. Особенно притягивали глаза. Таилось что-то в них такое, что выдавало нечеловеческую натуру. Приглядевшись, я поняла, что черная радужка занимает чуть больше места, чем положено по нормам природы.

«Линзы?» – вскользь думаю я.

Ну конечно. Кого я ожидала увидеть владельцем погребальной лавки? Обычный человек не станет заниматься, а уж тем более открывать подобное дело. Передо мной определенно личность импозантная, экспрессивная, артистическая. И эти остроносые сапоги на каучуковой подошве, и эти шаровары, и пончо, скрывающее под собой все рельефы тела, не давая возможности определить хотя бы по самым очевидным признакам: мужчина или женщина передо мной. И лицо такое же неясное, обладающее всеми чертами и ни одной чертой одновременно.

– Чаю? – Гонтия обнажает белые зубы в располагающей улыбке. – Нам предстоит совершить совместное путешествие, так почему бы предварительно не поболтать за чашкой чая?

Я охотно киваю, чтобы сдвинуться уже с мертвой точки.

– Иногда мы с моими мертвецами садимся за этот стол и распиваем чай. Такая традиция.

Говорит непринужденно, так, будто мы уже тысячу лет знакомы. Я не даю сбить себя с толку, сочтя, что это проверка на прочность. Я с благодарностью принимаю чашку чая и спрашиваю:

– И какой же чай предпочитают мертвецы?

Мне хотелось показать, что я не из робкого десятка.

– Тот, который наливаю им я, – отвечает Гонтя, усаживаясь напротив меня и изящными белоснежными руками берясь за блюдце с чашкой. – Итак, Лидия, расскажите мне о себе.

К добру или худу, но ничего в моей жизни нет такого, о чем можно было бы поведать за чашкой чая. Я самая обычная девушка, что недавно вступила в самостоятельную жизнь. У меня не было трагедий, но и не было фееричных взлетов. У меня есть хорошие друзья и любящие родители. Меня не предавали, не использовали и не обманывали. Все мои дни были похожи друг на друга.

– А мечты? О чем вы мечтали, когда думали о своем будущем?

Думаю, что если отвечу что-то обыденное и скучное, Гонтя это не понравится. Точнее, разочарует. Посредственности в этой лавке не место, это я уже поняла при первом взгляде на придверный коврик. И я решаю блеснуть неординарностью:

– Летать. Мечтаю полететь над набережной, вдоль течения реки. Пролететь через кроны дубов и кленов, смешаться с осенним ветром, неся за собой запахи уходящего тепла.

Кажется, я переусердствовала. Гонтя смотрит на меня своими неземными глазами и подносит ко рту чашку. Отпивает, ставит чашку на блюдце, все еще смотрит на меня. А потом говорит:

– Значит, вы хотели бы, чтобы ваш прах развеяли по ветру?

Я поперхнулась и судорожно закашлялась. Гонтя начинает смеяться, а я уже готова вот-вот стать клиентом, а не протеже.

– Простите, Лидия, – говорит, смахивая с уголка глаза слезу. – Простите. В силу моей деятельности, я имею некоторые дефекты, что лезут из меня чаще, чем позволяют приличия. Неудобная привычка на все смотреть через призму смерти.

– Моя мечта на самом деле приземленная, хоть она и о полете. Слышали о парaplанах? Мечтаю полетать на парaplане.

– Реже, чем о крыльях ангелов, – пожав плечами, отвечает Гонтя. – Моя жизнь протекает в иных областях, поэтому далеко не обо всем мне доводится слышать.

– Давно вы этим занимаетесь? Ну, владеете погребальной лавкой.

– Вечность! – На мой взгляд, ответ прозвучал слишком патетично, но я его принимаю хотя бы потому, что в нем нет ничего, что заставило бы меня захлебнуться чаем.

Мне начинает казаться, что Гонтя существо иного, иномирного толка. Я повидала разных колдунов, шаманов, медиумов, видела даже тех, кто по своему желанию обращается в волка. Такой у нас мирок, чудо из чудес. Но даже для такого мира, где телекинез не фантастика, а чтение мыслей на самом деле крайне неудобная способность, Гонтя видится образцом чудачества, граничащего с сумасшествием. Находясь в мире чудес, Гонтя витает в каких-то еще более мистических облаках. Наверное, постоянная близость к чужим смертям накладывает отпечаток даже на тех, кто видит пророческие сны и читает заговоры от головной боли каждый день.

– И что входит в ваши обязанности? – Чашка со звоном находит место на блюдце, этот звук отражается от картин на стенах, уходит в потолок зеркал, а после звуком падающей капли возвращается в чайную гладь.

– Я, можно сказать, последний собеседник, – отвечает Гонтя. Задумывается, а после царапает пальцем воздух и поправляется: – Последний, если все идет по плану. Если нет, то последним собеседником становится строптивый живой представитель мертвеца, а я – печальной комиссией. Такое случается, когда представителю вдруг начинает казаться, что покойный захотел слишком уж шикарную церемонию прощания. Или вдруг представитель заявляет, что знать не знает почившего, а скорбное письмо пришло ему по ошибке или то последняя месть мятежного духа. Такое тоже случается. В этом случае я устраиваю очную ставку для еще не ушедшей души и живого. Еще я предлагаю услуги немного оплакивания.

– Немого? – неподдельно удивляюсь я, глядя на Гонтю во все глаза.

– Плакать в голос, – деланно морщится, – дурной тон. И горло потом болит. Не люблю, когда у меня что-то болит.

Я со знанием дела киваю, впечатленная выясненными гранями предстоящего дела. Мне тоже придется научиться немо плакать?

Гонтия на мгновение задумывается – выпадает из реальности – и меня охватывает ощущение, что я буквально осталась одна. Я вижу напротив себя собеседника, вполне живого и (я уверена) теплокровного. Но я не ощущаю никаких вибраций, колебаний воздуха, даже не слышу дыхания. Его нет, но он передо мной. Ее нет, но вот же она. Да что это за существо такое?

Это длится краткий миг. Гонтия продолжает, как ни в чем не бывало:

– Так вот, я выступаю в роли последнего собеседника и душеприказчика. И писаря, да. Духи ведь уже не могут писать, они все время ставят кляксы! – Короткий смешок, похожий на колокольчик, которого коснулось легкое дуновение (последний вздох умирающего) ветерка. – Я приглашаю живых представителей и улаживаю с ними скучные земные вопросы. Порой приходится слушать их литании, иногда даже по несколько часов кряду. Что поделать, живые эмоциональны и так совестливы! И когда все счета оплачены, я отправляю еще парочку писем. Гробовщику или керамисту – в зависимости от выбранного способа распоряжения телом, цветочнице, портному, стеклодуву – все по нужде.

– Стеклодуву? – Моя чашка уже пуста, и я рискую потянуться к заварнику, чтобы выдать себе еще одну порцию чая. В увлеченном порыве словоохотливости мое самоуправство останется незамеченным Гонтией.

– О, в наше время у всего есть счет. Даже у слез. Приходящие на прощальную церемонию вдовы порой не хотят выживать из себя больше, чем они могут позволить. На этот случай я предлагаю им ловцы слез – небольшие флакончики всего за серебряник. Берут охотно! Много слез не требует и выглядит симпатично.

– Но зачем? – я улыбаюсь, когда Гонтия придвигает ко мне тарелочку с конфетами, которую я даже не заметила раньше.

Надеюсь, эти конфеты не часть подношения умершим, а вполне жизнеутверждающим путем куплены в лавке сладостей.

– Чтобы были существенные факты. Такие дамы любят после приходить на могилы и говорить своим постылым и уже остывшим мужьям, как много горя им причинила их смерть. А после достают свои флакончики и говорят, например: «Три флакона, моя любовь!»

Мне хочется посмеяться от того, как Гонтия изображает безутешных вдов, но вместе с тем я понимаю, что над такими вещами смеяться нельзя. Мне бы не хотелось, чтобы, оплакивая меня, мои друзья считали сколько флаконов слез они наполнили.

– А с каким кладбищем вы работаете? – деловито поинтересовалась я, напоминая, что пришла сюда работать, а не только пить чай.

– Ни с каким, – отмахивается Гонтия, и на лице едва заметно проскальзывает тень неодобрения. – Мои посетители предпочитают остаться в моем колумбарии или, если уж позиция клиента принципиальна, то я предоставляю им альтернативу – свой оссуарий. У меня замечательная костница, просто произведение искусства!

Я судорожно вспоминаю, как выглядит похоронная лавка снаружи. Определенно это маленький дом с верандой, стеклянной витражами и обвитой плющом. Оссуарий, вполне закономерное, мог находиться под землей, но где бы тут мог быть устроен колумбарий? Неужели тоже под землей? Это будто бы противоречит самой идее обращения в прах. Те, кто выбирают такой конец, чаще всего не хотят оказаться под землей. В этом и есть смысл.

– Вам не нравятся местные кладбища? – вежливо спрашиваю я, запихивая в рот уже третью конфету. Такие они вкусные, что оторваться невозможно!

– Предпочитаю, чтобы все было под моим присмотром. А кладбища, они ведь так далеко. Если вдруг что-то случится, я пока доберусь, пока найду нужную могилу! А тут все под рукой. Чуть что – я тут как тут, – Гонтия лучезарно улыбается.

Я знаю, что похоронный дом Гонтии не единственный в своей стезе, правда, единственный небрежно названный «лавка». Тем не менее, моя мысль не об этом. Наш город Вечной Осени мал, и каждый знает друг друга если не в лицо, то поименно. Я никогда не слышала о Гонтии, никогда не видела этого бесполого лица. Я бы запомнила. Я отлично помню все, на что упал мой глаз. Я никогда не видела Гонтии в нашем городе.

А Гонтия продолжает свой могильный поэтический час:

– Я, в сущности, даю им выбор. Ведь я могу дать им крышу над головой, а могу и по миру пустить. То есть, я имею в виду, что могу уложить их прах в урну с красивой крышечкой, а могу развеять над каким-нибудь значимым местом. Костницы же редко выбирают. Пережиток прошлого, – делает игривый взмах ладонью и щурится, словно позабыв, что улыбаться надо губами, а не глазами. Или и тем и другим вместе. Смеющиеся глаза и бездвижные губы смотрятся немного безумно.

– Так вы ведете все дела, не выходя из лавки? – Гонтия подтверждает решительным кивком головы. И я решила поделиться своей мыслью: – Я вдруг поняла, что никогда раньше вас не видела в городе. Наверное, это потому, что у вас много работы и вы практически безвылазно на рабочем месте?

Мне представилось, как Гонтия, согнувшись под тяжестью стонов умерших и захлебываясь в слезах горяющих, сидит в этой заставленной гостиной, а вокруг вьются бестелесные духи. Они заменяют собой шторы и не дают солнцу проникнуть, они сливаются с темнотой ночи и приводят ее мглу в этот дом. Здесь никогда не бывает света. Здесь всегда воздух стылый, он доказывает, что после смерти наступает лишь вечный холод.

Солнечный луч отражается в ловце солнца, врежется в зеркальный потолок, а потом стремительной стрелой проходит сквозь половицы в подпол. Или в оссуарий. Или в колумбарий. А может, винный погреб.

Мне пришлось унять разыгравшееся воображение. Еще с порога нужно было принять на веру, что имеющиеся пресловутые стереотипы о похоронных домах остаются за пределами лавки Гонтии.

– Ну почему, я люблю порой совершать променады. Не думаю, что вы никогда меня не видели, Лидия. Должно быть, просто не замечали.

Я с сомнением морщу лоб, ведь не заметить Гонтию – это как в городе Вечной Осени не заметить, что наступила зима.

– А что будет входить в мои обязанности? – спросила я, допивая уже вторую чашку чая.

То ли чтобы у меня не возникло помысла наполнить чашку в третий раз, то ли поняв, что я человек все же деловой, Гонтия ловко убирает чашки и встает из-за стола.

– Слушать меня и быть внимательным слушателем! – бодро отвечает и жестом предлагает и мне встать из-за стола. – Идемте, я проведу вам экскурсию. Такой в вашей жизни никогда не было и не будет, уж поверьте.

Я неуверенно встаю. И почему мне вдруг показалось, что так могло бы прозвучать заманчивое предложение коварного демона? Но у меня не было причин сомневаться. Наверное, это все еще мое воображение пытается прорвать пелену реальности.

Гонтия отгибает в сторону узорчатую шпалеру, и за ней оказывается дверь. Но открывать ее не спешит, смотрит на меня и вкрадчиво интересуется:

– Готовы отправиться в путь?

У меня мороз по коже от этого завораживающего голоса. Это проверка на пригодность, на должное бесстрашие стать частью этого фантасмагоричного мирка. Я уверенно киваю. И Гонтия открывает дверь.

Мы входим в строгую, скупобставленную комнату, разительно отличающуюся от гостиной. Кессонные потолки – единственное украшение, как и зеркало на половину стены, обрамленное тяжелой деревянной рамой. У зеркала стол с узкой столешницей. На столе – цилиндрической формы урна, высотой в локоть. Ни окон, ни ковров, ни цветов. Ни фотографии, ни таблички с именем.

– Мы вошли в мой колумбарий, – поясняет Гонтия, подводя меня к зеркалу и столу с урной. – Это – первая комната. В ней – самый старый мой постоялец. Так здесь расположены комнаты, от самого долгоживущего, до недавно въехавшего в апартаменты.

Я таращусь на урну, и не сразу до меня доходит, что это урна с прахом. Что постояльцы – почившие, что долгоживущие – это те, кто одними из первых оказались в колумбарии. Что же, мне придется долго привыкать к манере Гонтии высказываться. Очень легко пока еще запутаться – высказывание идет о живых или о мертвых. В языке Гонтии все едино, как мне кажется.

– Апартаментами вы называете всю комнату или же только урну? – машинально спрашиваю я, пытаюсь совладать с растерянностью первого впечатления.

Гонтия серьезно задумывается. Стучит пальцем по подбородку, бездумно глядя на урну, и все же отвечает:

– Урна часть комнаты. Комната и есть урна. Но гораздо лучше, когда прах все же уложен в небольшой сосуд, нежели рассыпан по полу всей комнаты. Вы согласны?

Сглотнув, я кивнула. Напоминаю себе, что чудачества – неотъемлемая часть самозащиты, когда день ото дня сталкиваешься с болью и скорбью других людей, страдания которых можно умалить только терпением.

– Так значит, это ваш самый первый... посетитель?

– Не совсем. Он первый, кто отказался от оссуария. Это был человек высокого полета, ему всегда хотелось занимать собой все пространство. Терпеть гробовых соседей на кладбище он был не готов, а оказываться неприкрытым в костнице ему вовсе претило. Потому и выбрал этот скромный, но изысканный сосуд.

– А зеркало зачем?

– Делает маленькую комнату мнимо больше, – Гонтия пожимает плечами и отвечает так, словно был задан наиглупейший вопрос.

– И вы помните его? Этого человека?

Я осторожно касаюсь пальцами урны, пытаюсь представить, как мог выглядеть человек, находящийся в ней. Его внешность, рост, телосложение, его имя, чем он занимался, была ли у него семья.

– О, разумеется! – с большой охотой отвечает Гонтия. – Ведь каждый после смерти мне исповедуется. А я помню все истории, что мне когда-либо были рассказаны.

– Давно это было? – я убираю руку, боясь нарушить покой этого ушедшего, кем бы он ни был.

– Я расскажу. – Глаза у Гонтии горят потусторонним огнем, в них появляется такая страсть, словно рассказывание историй – духовная пища, что способна заменить пищу телесную.

Он входит в лес.

Деревья в лесу подобны змеям – их стволы крутятся петлями у самой земли, выпрямляясь лишь к верхушкам. Они обманчиво гибки, но стоит коснуться рукой их коры, как ощущается твердая древесная порода.

Деревья – изогнутые свечи – стоят поодаль друг от друга, между ними открывается хороший обзор. Он идет дальше, стремясь как можно быстрее миновать это место. Там, где видно ему, видно и его самого.

На плече он несет самопальный арбалет, еще ни разу не подведший его в охоте. Этому арбалету все по плечу – белка, куропатка, утка, кабан или олень. Всех одинаково делает пригодными в пищу. Но это в другое время. Эта охота не для пропитания, она – для развлечения. И дичь, которую он намерен скрупулезно выслеживать и дотошно загонять, скорее всего останется для пропитания других.

Но что-то в этот раз дело не спорилось. Минувшая непогода загнала всю дичь глубже в лес, и эта же непогода заставляла охотника уходить все дальше, оставляя позади свой скромный дом, знакомую тропу и известную местность. Но он чувствовал себя уверенно. Даже в тех уголках леса, в которые он еще не забредал, ему было спокойно. Ведь лес – его стихия, стезя охоты – его исконный путь.

Мелькнула среди деревьев относительно ровная тень, что отличалась на фоне закрученных деревьев. Он насторожился было, приняв тень за животное, но нет. Животное, даже хищник, все равно издает звуки. Оно не смотрит на веточки и шишки под ногами. А вот человек – да. Человек крадется осознанно, вдумчиво, под его ногой не сломается веточка. Если он, конечно, настоящий охотник. Он улыбнулся, не услышав ни одного лишнего звука. Это хороший знак.

В лесу много охотников. Были охотники за грибами, и они уподоблялись грибам, напяливая на себя их личину, чтобы подобраться к ним поближе. Идут, приземистые, выпрастывая перед собой руки, как нити грибницы, чтобы чувствовать пространство вокруг себя.

Охотники за птицами похожи на птиц. Они крутят головами и издают порой странные возгласы, а как только заметят свою добычу – несутся за ней, махая руками.

Охотники на мясную дичь подолгу неподвижны, но как нужда подступит – побегут, высоко вскидывая колени, соревнуясь в скорости с дикой козой.

Да, вот такие три вида охотников.

Наконец, спустя долгое время планомерного углубления, он заметил цепочку кабаньих следов. Судя по глубине следов – упитанный приятель. Улыбнувшись, он перехватил арбалет и обратился в слух.

Первозданная тишина леса была обманчивой. Стоило сосредоточиться, как тут же отозвался дятел короткой серией, а за ним отзвучала кукушка. Мухи и шмели танцевали, жужжа, скрипели старые ветки и трескали дряхлые стволы.

Вот завилась еще одна цепочка следов, присоединившись к кабаньим копытцам. Он воодушевился и с азартом направился по следам своей добычи.

Он заметил тень и присел, настороженно вглядываясь в промелькнувшее видение. Он нашел. Облизав пересохшие губы, стал вслушиваться, обратился в слух, перестав доверять зрению. Внутреннее чутье подсказывало, что его трофей шныряет поблизости. Тяжелый арбалет вдруг перестал тяготить, обратился естественным продолжением руки.

Тень мелькнула по другую сторону. Он резко повернулся, наведя арбалет.

– Дразнишь меня? – прошептал он едва слышно, а потом раздосадовано цыкнул.

Нет, это было не то, что он выслеживал. Скорее всего, молодой олень резвится, носясь среди густого подлеска.

Но зачем он наворачивает круги вокруг представляющего опасность человека?

Он огляделся и нашел ответ. Он забрел в ту часть леса, куда не каждый охотник заходит. Дичь тут непуганая, любопытная. Олененок все же опасается, но любопытство сильнее. Вот и носится на расстоянии, изучая прищельца на двух ногах.

Оглядевшись, он короткими перебежками переместился к зарослям куманики, прикрытыми ветками невысоких елочек. Этот олененок наверняка привлечет того, за кем он с самого начала шел. Он затаился. Слушал, смотрел. Шелест, почти естественный, но все же создаваемый кем-то, навел его на мысль, что расчеты верны. Он выжидал.

Тень пролетела за спиной. И тут он понял, что чутье его малость подвело. Тень была слишком бесшумной и быстрой.

Он напрягся всем телом, унимая занявшуюся дрожь вожделения. Его добыча здесь, отчаянно пытается найти того самого олененка.

Он навел арбалет. Выстрелил. Болт врезался в землю.

– Да что такое? – пробурчал он недовольно, решительным шагом врываясь в кустарник и находя древко болта, утонувшее в земле.

Вырвал его, приладил обратно к арбалету. Нахмурился. Следов оленя не было. Ничьих следов не было.

Списав все на проказливых диких мышей, он прибег к последнему своему оружию – нюху. Пытался учуять влажную шерсть, запах животного, запах соленого пота и спертого дыхания. От этого занятия его отвлек очередной шум.

Сердце, быстрее носа, почуяло неладное. Он был не из трусливых и весьма бывалых. Он и на медведя ходил и в стае волков ночи проводил. Его не просто напугать. Но странная бесовщина, что началась в этом лесу, стала его тревожить. В леших, кикимор и прочих он не верил. Но вот в зверей, зараженных невиданным безумием – да. И людей, отдавших разум, тоже.

Может, какой бродяга-дикарь в этих местах ошивается? И теперь снует поблизости, намереваясь напасть и поживиться чем-нибудь заманчивым. Или дурная лиса кружит, сама не зная зачем. Это мешает ему, отвлекает, а еще может навредить. Вполне может быть, что его жертва уже стала чужой жертвой, наткнувшись на кого-то более хищного.

Скрепя сердце, он принял решение, что сегодня неудачный день. Ему придется вернуться домой неудовлетворенным, но с намерением повторить все снова в другой раз.

Он пошел обратно, ориентируясь по собственным следам и направлению света. Невольно шарахнулся, когда с ближайшего куста сорвалась птица, резко взмыв в небо. А потом и в другую сторону отшатнулся, потому что и в другом кусту хрустнула ветка. Он даже рассмеялся от собственной пугливости. Стар уже стал, должно быть, нервы никуда не годятся.

Шаг за шагом он удалялся от невезучего места, то и дело поглядывая по сторонам. До слуха дошел странный, трескучий звук. Будто кору от дерева отрывали. Медведь когти точит? Лось щипает сосны? Он решил не испытывать судьбу и взял в сторону, уклоняясь от выбранного пути. Цена ошибки слишком высока – на медведя с его-то арбалетом пропащее дело идти.

Обогнув опасное место, он вновь вернулся к своим следам и уверенно пошел по ним. Вместе с ним шли и минуты. Он все шел и шел, пока не остановился, в недоумении оглядываясь. Он не узнавал места, в котором оказался. Он его не проходил.

Опустил глаза – следы на земле имеются.

Не его.

Припав на колени, он вгляделся в следы, почти не отличимые от его собственных, однако же, имеющие некоторые детали, позволяющие сделать неутешительное заключение. Не его следы. Он шел по чужому пути.

Заблудился?

Он коротко посмеялся, утерев взмокший лоб грязной рукой. Надо же, как его закрутило. И правда стоит подумать об уходе на покой. Время его развлечений подошло к концу, его уже так легко выводят из равновесия чужие следы. А ведь он их уже видел. Те самые, что шли параллельно кабаньим, следы его дичи, по которым он и углублялся в лес. Надо же, как глаз замылился – перепутал следы дичи со своими! Да еще и эти звуки, становящиеся какими-то навязчивыми. И призрак бешеной лисы неотступно следует по пятам.

Мелькнула тень, зашелестели кусты, хрустнула ветка, возмущенно вскричала потревоженная птица. Кто-то вновь наворачивал круги рядом с незадачливым охотником.

Кто это? Волк, бешеная лиса, разъяренный кабан или отведавший человеческой крови медведь? Но сколь бы ни было кровожадно это животное, действовало оно странным образом вдумчиво и неспешно. Он закричал, уверенным тоном перечисляя самые грязные ругательства, которые вспомнил, в надежде отпугнуть хищника. Шел быстро, следя за мелькающей тенью, стараясь все время держать ее в поле зрения.

Тревога с новой силой тронула сердце. От былой уверенности почти ничего не осталось, все больше странные звуки становились похожи на издевательский смех, а хруст веток намеренным, демонстративным. Перехватив арбалет так, чтобы в любой момент выстрелить, он в полуприседе припустил вперед. Неважно, что сбился с пути. Главное, не оставаться на месте.

Так он и шел, пока не свалился от острой боли, пронзившей ногу. Он угодил в капкан.

Он не заблудился. Его заманили.

Скуля от боли и безуспешно пытаясь разжать ловушку, он отбросил свой арбалет в сторону.

Четвертый вид охотников – охотники на людей. Они выглядят как люди, одеваются как люди, говорят как люди. Уподобляются им, чтобы сойти за своих.

Он относил себя к четвертому виду. Но он не думал, что в этом лесу есть еще один представитель этого вида.

Он вышел на охоту и начал выслеживать. Он не знал, что его жертва находилась в лесных угодьях с той же целью. Жертва тоже оказалась Охотником.

Он не выходит из леса.

– Вот такая история! – хлопает в ладоши Гонтия, отчего я вздрагиваю. – Такая, не особо интересная. Зато поучительная.

– И чему она учит? – зябко поежившись, спросила я. От рассказанной истории меня пробрала дрожь до такой степени, что я решила считать услышанное придумкой.

– Быть внимательным к конкурентам? – неискренне задумавшись, делает предположение Гонтия.

Я уверена, что двери в стене не было, что была только одна дверь, та, в которую мы вошли. Но Гонтия открывает новую дверь, и мы сразу же оказываемся в другой комнате. В других апартаментах.

Это определенно колдовство, и будто бы не стоит ему удивляться. И все же, мне не по себе. Именно в этом доме, именно в присутствии Гонтии любое колдовство кажется чем-то запредельным, непонятным. Дверь, что ведет в соседнюю комнату, на самом деле уводила меня куда-то глубже. Я не шла прямо, я спускалась вниз. Толща земли надо мной все ширилась, набирала вес, норовя в скором времени придавить меня. Это похоронная магия.

– Здесь самая короткая история, – заявляет Гонтия, подводя меня к такому же зеркалу в полстены, столику и урне, что и в первой комнате. Этот человек – он убийца. Убивал своих жертв собственными руками. Знаешь, как он умер? – Я вопросительно вскидываю брови и жду ужасающей развязки. Гонтия выдает тонкую улыбочку нашкодившего ребенка и со смешком отвечает: – Он посмотрел на свои руки.

Я вслух взываю к богам, чтобы они даровали Гонтии милосердие по отношению к своим собеседникам, а Гонтия начинает смеяться и так долго не может остановиться, что я пугаюсь и думаю, что вместо милосердия боги послали какую-то проказу.

– А вот здесь история похожая на первую! – восклицает Гонтия, в каком-то детском азарте замахав руками.

Очередная комната мало чем отличается от двух предыдущих. Разве что урн на постаменте две.

– Две урны? – в любопытстве вскинув брови, спросила я. И, решив показать себя, храбро продолжаю: – Кто здесь? Непримиимые враги? Палач и его жертва?

Мне кажется, что я уловила царящее настроение в этой лавке и ведущий интерес Гонтии, а потому считаю свою реплику выигрышной – пусть считает, что меня сложно чем-то впечатлить и уж тем более напугать.

– Все вместе. – Кажется, мой выпад остался не оценен, потому что Гонтия не удостоивает меня даже одобрительным взглядом. – А еще – влюбленные.

По досадной оплошности она польстила не тому.

С этого началась их история.

Ческа прокладывала себе путь по извилистым подворотням города, игнорируя прямые освещенные улицы, заполненные людьми. Она пробиралась в потемках, ловко перешагивая мусор и полубоморочных людей, что привычно заселяли эти катакомбы – местные духи-хранители зланных мест, как их именовали. Об одного она все-таки споткнулась, и это привело ее напрямик в объятия мужчины, что оказался единственным из всех встреченных в вертикальном положении. От него даже не несло выпивкой или чем похуже. И вот из-за того разлегшегося, о которого споткнулась, Ческа и польстила не тому.

– У вас крепкие руки, – выпалила она, когда ее несостоявшееся падение завершилось на груди незнакомца.

– Я натренирован ловить красавиц, – незамедлительно ответил он.

Так они и познакомились.

Лео оказался из тех, кто считает напрасной тратой времени долгие ухаживания. Он находился в том возрасте, когда нет уже желания куражиться без каких-либо перспектив, а перспективы в его возрасте могли быть только серьезными. Уже когда они вышли на свет, Ческа лучше разглядела его лицо и фигуру, и поняла – перед ней мужчина серьезный. Не так молод, как подошло бы ей, но еще и не стар. Родители молодых девушек обычно говорят про таких: «Мужчина в расцвете ума и лет». Ческа долго колебалась, согласиться или нет на его предложение поужинать, но все же поддалась чарам его голоса.

– Чем вы занимаетесь? – замороженная его статью, поинтересовалась Ческа.

У нее были планы на этот вечер, но они уже казались ей зыбкими и на самом деле не такими уж важными. Куда интереснее ей было находиться с Лео.

– Я торговец, – ответил он. – Не так давно переехал сюда и открыл свое дело. Продаю ткани.

– О, я видела, что недавно на центральной улице открылась лавка тканей! – воскликнула Ческа. – Ее крыльцо украшено статуями двух женщин, а полотно, что они растянули между своих рук, образует чудесный навес. Это ваша лавка?

– Да, – смущенно улыбнулся Лео. – И задумка со статуями и тканью тоже моя. Поначалу казалось, что слишком вычурно, но очень уж хотелось претворить этот замысел в жизнь.

Они расположились в хорошей таверне, куда обычно не пускали абы кого, только обеспеченных господ в хорошей компании. Ческа радовалась, что в этот вечер надела свое самое лучшее платье, и поэтому ее не приняли в респектабельном заведении за побирушку или, того хуже, гулящую женщину. Нет, рядом с Лео она смотрелась очень даже достойно.

Она рассказывала ему о себе. О том, что совсем недавно покинула стены приюта, в котором девочек обучали шейному мастерству – какое совпадение, что она умеет шить, а Лео продает ткани! У нее не было никого из родных, друзей тоже почти нет. Разве что пара приятельниц из приюта, но с каждым днем, прошедшим после выпуска, эти приятельницы становились все дальше от нее.

– Жизнь закружила нас с головой, – с горечью проговорила она. – Мы много лет жили в четырех стенах, толком не зная окружающего мира. Оказавшись на свободе, каждая из нас

начала наверстывать упущенное. Трудно за это судить, так что я ни на кого не в обиде. Сама стала поступать так же – жадно познавать мир.

– И каково ваше впечатление о мире? – поинтересовался Лео, как показалось девушке со вполне искренним участием.

– Он прекрасен! – восторженно ответила Ческа.

– Считаю своим долгом предупредить: мир не так чудесен, как может показаться. Легко обмануться его чистотой, но на самом деле чаще всего чистым остается лишь первое впечатление. Этот мир, как и люди, населяющие его, носит маски. Под прекрасной маской часто скрывается уродство жестокости.

За беседой они провели много времени. Ческа с удовольствием поела отбивных, выпила не меньше половины бутылки вина и после всего порядком охмелела: от жирной еды, от терпкого напитка, от обаяния нового знакомого. Чувствуя в ногах слабость, она с трудом поднялась из-за стола.

– Пожалуй, мне пора домой, – проговорила она, растерянно потирая взмокший лоб.

– Давайте я вас провожу.

Во многом Ческа бывала наивной и доверчивой. Эти ее черты выразились в том, что она совсем не заподозрила в учтивом господине нехорошего человека. Она без сомнений отлучилась во время ужина на пару минут, а после также беззаботно выпила из бокала, что мужчина придвинул ей. Она была наивной, но не такой уж глупой. Ческа поняла, что охватившая ее слабость инородная, чуждая вину и тяжелой пище. Что-то овладело ей еще помимо выпивки, еды и влюбленности.

– Знаете, – проговорила она, с трудом собираясь с мыслями, – я живу недалеко. Сама доберусь. Мне неловко от своего состояния и не хочется, чтобы вы видели меня такой. Надеюсь, вы дадите мне еще один шанс и мы увидимся с вами в другой день. Хоть завтра, если хотите.

Но Лео оказался настойчив. Его мягкий голос обволакивал, в его крепких руках хотелось расплыться, отдаться в их волю и позволить вести себя хоть на край света.

Они вышли на улицу, и Ческе не помог даже глоток свежего воздуха. Ее разум все сильнее увязал в каком-то неведомом киселе. Она только и могла, что моргать да переставлять ноги. Она уже не думала о том, что ее окружает – и кто окружает, – она хотела лишь одного: поскорее добраться до дома. Мысль о своей комнате и кровати вели ее вперед, не давая свернуть с верного пути.

Никто не обращал внимания на пару, что поздним вечером удалялась от трактира в сторону жилых домов. Все видели лишь захмелевшую девушку да галантного мужчину, что не давал ей оступиться и позорно упасть, запутавшись в собственных юбках.

– Не стану скрывать, – слышала Ческа страстный шепот у самого своего уха, – я влюбился в тебя с первого взгляда. Веришь ли, что такое возможно? Но я правда люблю тебя. Позволь мне быть рядом с тобой, и я все сделаю для тебя! Ты будешь счастлива, клянусь тебе! Только не отталкивай, не думай, что раз мы знакомы едва ли несколько часов, то никакой любви не может быть. Я знаю, о чем говорю, я точно люблю тебя. Плевать на время, все это лишь условно...

Ческа безотчетно переставляла ноги и оживилась лишь тогда, когда увидела очертания знакомого дома. Фонарик над крылечком, ажурную решетку на двери, отколовшуюся ступеньку. Она почти дома. У нее не было сил стряхнуть с себя руки мужчины, не было сил оттолкнуть и сорваться на бег. Где-то в уме понимала, что творится неправильное, что ей грозит опасность. Но ничего не могла с этим поделать.

Когда она переступила порог своей комнаты, то потеряла сознание. Пришла в себя, когда лица коснулось что-то холодное и мокрое. Лео с неподдельной заботой обтирал ее лицо полотенцем. Короткое помутнение позволило немного избавиться от губительной покорности, и Ческа решила дать отпор. Или попытаться сделать это.

– Убирайся! Что тебе от меня нужно?! – закричала она, а сама пыталась верить, что ее крик напугает Лео. Ее комната не единственная на этаже, а стены хлипкие – и быть может, он не успел разглядеть, что никого больше в доме нет?

– Тише! Тише! – зашипел он, зажимая ей рот огромной ладонью.

Как же он был силен, как высок и крепок! Ей, худенькой девушке, не справиться с ним.

– Не кричи, дура!

Ческа дернулась и уличила возможность для атаки – укусила его за ладонь, заставив отдернуть руку. Лео отшатнулся, и она закричала еще истошнее:

– Помогите! Прошу, на помощь!

Лео, что мгновение назад с прискорбной миной смотрел на поврежденную ладонь, вдруг устался на Ческу так холодно, что она невольно смолкла. Произошла разительная перемена. Улыбчивый, открытый, благодушный мужчина превратился в подобие человека с глазами холодными и жестокими. Даже голос его, теплый и учтивый, стал тихим и бесстрастным:

– Зачем ты зовешь кого-то? Мне не нужна помощь. Я сам с тобой справлюсь.

Ческа сдавленно всхлипнула, крик застрял в горле, так и не вырвавшись. Кричать и до этого было бессмысленно, а теперь его этим даже не напугать. Неужели все-таки заметил, что дом – пустующая халупа, в которой никто не живет? Ческа поселилась в тесной комнате этой заброшки лишь потому, что на другое жилье у нее денег не хватило. Лучше так, решила она, чем под открытым небом на улице.

Она сидела на полу утонувшего во мраке коридора и чувствовала ладонями бугрящиеся от сырости половицы. Девушка вжималась спиной в обшарпанные стены и понимала – деваться ей некуда.

– Что ты собираешься делать? – через силу спросила она, боясь только одного: что бы он ни делал, он будет делать это долго.

– Я убью тебя, – легко признался Лео.

Он возвышался над ней, методично потирая укушенную ладонь. И глядел на нее сверху вниз, будто примериваясь откуда начать свой замысел.

– Ты ведь говорил, что любишь меня, – Ческа подалась вперед и пересела на колени, оказавшись буквально у него в ногах. Она отчаянно цеплялась за соломинку. – А теперь угрожаешь убить?

– Ты мою любовь не приняла, – равнодушно отозвался Лео. – Ты же сама меня прогоняла, уже забыла?

– И зачем же ты признался, что собираешься меня убить?

– Не обольщайся, – презрительно скривился Лео, отступая от нее на полшага, когда заметил, что она едва ли не цепляется руками за его ноги. – Я сказал это за тем, чтобы ты не обижалась после того, как убью тебя. Знай, что причина убить тебя – очень веская.

– И какая же? – с надеждой спросила Ческа.

– Я не могу иначе.

Ческа в ужасе смотрела, как он снимает свое пальто и отбрасывает его в сторону. Движениями отработанными, четкими, он закатал рукава рубашки. А после, отражая свет луны, пробивавшийся через окно, в его руках сверкнул нож.

Ческа, не вставая, поползла от него, обдирая ладони о шершавые половицы. Она доползла до двери. Краем глаза успела заметить, что, войдя, Лео не захлопнул дверь до конца.

Лео не знал, что дом этот давно заброшен и пуст. Еще он не знал, что дверь в этой комнате с подвохом – если ее захлопнуть до щелчка, то даже изнутри не открыть без ключа. Где ключ – Лео тоже не знал.

Ческа уперлась спиной в дверь и надавила. Замок звонко щелкнул, раздавшись громче, чем возбужденное дыхание Лео. Ческа улыбнулась.

Их история началась с того, что она польстила не тому. Обычно Ческа выбирала кого-то менее крепкого телом – порой их приходилось таскать, а молодых стройных юношей такой хрупкой девушке таскать проще, чем таких вот великанов, как Лео. Зачастую именно стройные юноши обретались в темных подворотнях – у них много секретов, у этих юношей, а секреты всегда удачнее хранить в местах темных, зловонных и обходимых приличными гражданами стороной. Но Ческа неудачно споткнулась и на пути ее вырос некто выше ее на голову и шире раза в два. И Ческа не спасовала. Подумала, что самое время для скачка вперед, для эволюции, для повышения мастерства! Не всю же жизнь ей обходиться молодцами, что в потемках едва ли отличны от дамы без корсета.

Она подумала, что это проверка свыше. В какой-то момент проверка оказалась куда-то более сложносочиненной, чем казалось Ческе. Судьба не просто позволила ей подняться на ступень выше в своем мастерстве, но и заставила помериться силами с кем-то себе подобным. На этой лестнице должен был остаться кто-то один.

Ческе было жаль, что Лео и правда оказался красив и обаятелен. При взгляде на него ее сердце трепетало так, как описывают в любовных романах. Лео говорил о любви с первого взгляда и неважности времени – Ческа была согласна, она испытала это на себе.

Она вскользя гадала, правду ли о себе рассказал Лео, потому что она о себе лгала с самого начала. Даже возраст приукрасила – в меньшую сторону. Что было правдой, так то, что она одинока и в этом городе у нее никого нет. Она вообще впервые в этом городе и попала в него не более трех дней назад.

– Но теперь я не одна, – проговорила Ческа, надвигаясь на отползающего от нее Лео. Они поменялись местами. Теперь он обдира ладони о половицы, а она ловила острием клинка лунные блики. – Теперь у меня есть ты, Лео. Веришь или нет, но я люблю тебя. И если ты позволишь мне быть с тобой, то я сделаю тебя самым счастливым в этом мире!

В его глазах не было страха и ужаса. Только раздражение и гнев. Его уязвляло, что мелкая девчонка устроила ему ловушку. Он злился, что не распознал сразу родное по духу чудовище и теперь оказался у ее ног. Но, в чем он по-прежнему ее превосходил, так это в физической силе. Пусть сначала она застала его врасплох, теперь же он собрался и был готов защищаться.

Они вылетели на лестничную площадку, борясь друг с другом тем, что не было скованно – зубами и коленями. Руки их переплелись, плотно прижались к телам друг друга. Они нелепо топтались по площадке, ноги то и дело соскальзывали на лестничный марш. В конечном итоге на самой высокой ступени должен остаться только один.

Нога девушки соскользнула на ребре ступени, земное притяжение и скользкий камень отсыревшего дома потянул ее вниз. Всего двенадцать ступеней, и она окажется внизу. А он останется наверху. Лео был уверен в своей победе. Уверенность не покидала его, даже когда стремительное падение и сильный удар выбили из груди воздух. Он оставался уверен, даже когда в его теле не осталось жизни.

По глупости он польстился не на ту.

– Они друг друга толком не успели узнать, – с мечтательной улыбкой на губах, как после прочтения слезливого романа, говорит Гонтя, – но зато успели другое: умереть в объятиях друг друга! Многие пары об этом мечтают, но лишь единицам достается это благословение.

Отчего-то я не удивлена, что даже на любовь Гонтя смотрит через лупу смерти и считает за счастливый финал, если смерть настигла влюбленных одновременно. Это хорошо, я согласна, но ведь хочется помечтать о вечной жизни или о жизни после смерти? Гонтя, я уверена, может мечтать только о вечной смерти и смерти после смерти.

Мы без задержек минуем одну комнату за другой, постояльцы, через обретенные дома которых мы проходим, едва ли получают пару слов. Они неинтересны. Их истории скучны.

Гонтия плывет через анфиладу комнат. Могильных комнат. Могил. Я иду следом и ухожу в глубину этого кладбища, вымощенного деревянными досками паркета и увешанного огромными зеркалами.

– Вы живете в этом же доме? – спросила я, пытаюсь представить, как можно жить, когда поблизости столько душ. Столько историй.

– О, нет-нет, – спешно отвечает Гонтия. – Это мой рабочий дом. Живу я в другом. Там у меня небольшой сад, удобная кухня и просторная столовая зона. Я очень люблю приглашать гостей и угощать своей стряпней.

Мы останавливаемся в комнате, сплошь отделанной деревянными досками. Я словно оказалась не просто в одной из комнат огромного дома, а вовсе в совсем другом здании. Ветхом, полузаброшенном. В этой комнате – доме – нашлось место не только для привычных атрибутов, но и для маленькой печки, скамьи, столу со скатертью и уголку с божественными ликами.

Остановившись у зеркала, Гонтия морщит нос. На мой вопросительный взгляд говорит:

– Не люблю деревенский дух запустения. Городское жилище умирает более жизнеутверждающе.

Меня удивляет и почти умиляет, что в последнем месте упокоения души, в гости к которой мы только что заявили, воплощено убранство его прежнего дома. Было в этом что-то добросердечное.

– Вы воссоздали место, в котором жил умерший человек? – спрашиваю я, со смесью восхищения и тоски рассматривая скромное убранство.

– Такова была воля хоронивших почившую, – пожимает плечами Гонтия. – Кто я, чтобы спорить? Но будь моя воля, то ни за что в этом месте не было бы сгнивших досок и крысиных лазов. Не люблю крыс.

Я попыталась представить женщину, что жила в таком доме. Наверное, это престарелая бабушка. Увы, ее дети и внуки позабыли ее, оставили одну в старом доме, с которым она умирала одновременно. И лишь после смерти о ней вспомнили и сделали последний подарок – проследили, чтобы родные стены теперь навечно охраняли ее покой.

– Не обманывайтесь, юная леди, – хитро улыбаясь, предостерегает меня Гонтия. – По вашему представлению, все эти апартаменты служат олицетворением жизни почивших или, быть может, вы считаете, что эти стены должны дарить покой отошедшим душам в посмертии?

– А это не так? – мои представления разрушились снисходительной насмешкой деятеля загробного мира. – Вы ведь говорили, что исполняете последнюю волю именно почивших, а не тех, кто их хоронит. Хоронящие лишь оплачивают эту волю. Или я что-то не так поняла?

– Все так, – растягивая губы в зловещей усмешке, отвечает Гонтия. – В сущности не имеет значения, кем при жизни были люди. И были ли людьми вообще. Кем родились, чему учились, были добряками или злодеями – неважно. Переступая порог моей лавки, они становятся посетителями и только. Все, что при них остается из прошлого – горсть монет в кармане и имя. Правда, не всегда и то и другое. Но иногда я делаю исключения. Вот это, – обводит пальцем серые доски, – то самое исключение. Это не посмертный дар для успокоения. Это вечное наказание для почившей, залог ее непрекращающихся страданий на том свете. Для большинства мой дом – последнее уютное пристанище. Но все же для некоторых – тюремное заточение без права на помилование.

– Так вы и такие услуги оказываете? – обескураженно спросила я, недоверчиво глядя на мастера смерти.

– Это похоронное бюро! – почти оскорбленно восклицает Гонтия. – Нет такой услуги, которую здесь не окажут. Потому что воля усопшего – непреложна.

– Но ведь получается, что это не воля усопшего, – осторожно подметила я.

– Не одного усопшего, так другого, – небрежно отмахивается Гонтия. – Проще рассказать всю историю с самого начала.

Я опускаю руку на свои наручные часы, чтобы сверить время. По моим ощущения прошло уже достаточно, чтобы задуматься о перерыве на обед. А ведь мы еще не перешли к вопросу о моих обязанностях и всем прочем, что непосредственно связано с работой. Мне нравилось, как Гонтия горит своим делом, но на мой взгляд, слишком много внимания уделялось историям, которые мне, если честно, никак в будущем не пригодятся. Если только самой потом водить новенького подмастерья, погружая его в мрачные истории лавки, где ему предстоит работать.

К моему разочарованию часы встали. Я застряла в неподвижной половине дня, едва добравшись к десяти часам.

Опустив руку с остановившимися часами, я подхожу к столику с урной. Зеркальная рама такая же ветхая, как и обшитые досками стены. Само зеркало мутное, надтреснутое в углу. Урна представляла собой нечто покрытое слоем пыли и нитками паутины. Приглядевшись получше, я не сдержала смешка. Я тут же прикрыла рот, испуганно вытаращившись на Гонтию. Мне не хотелось проявлять неуважение, но жестяная банка из-под миндального печенья сбила меня с толку.

– Эта женщина ненавидела миндальное печенье, – поясняет Гонтия, совсем меня не осуждая.

Рядом с банкой-урной лежит пожелтевший от времени листок. На нем эпитафия. И мои эмоции снова рвутся наружу, но теперь они далеки от веселья.

– «Гори в помойной канаве, дрянь», – негромко прочитала я.

Теперь смеется Гонтия, и смех звучит как журчанье ручейка или звон невесомых колокольчиков.

– Усопшие сочли, что даже места среди грешников она недостойна. Но это просто слова. Увы, но волю усопших учитывают не во всех посмертных инстанциях, даже те, кто пестует милосердие и добро, становятся глухими в определенный момент.

– А вы..., – я задумываюсь, умолкаю на полуслове. Возникшая мысль показалась мне дикой, но вместе с тем, а что в этой лавке не дико? – Вы к какой инстанции принадлежите? Грешной или милосердной?

– Я межведомственный представитель, – со скромной горделивостью отвечает Гонтия.

И в этом наклоне головы и кокетливой улыбке я ярче всего вижу женщину, хотя почти уже убедилась, что все-таки имею дело с мужчиной.

– Так что произошло с этой усопшей? Почему, раз ей пожелали оказаться в канаве, ее принесли к вам?

– Потому что мое воображение гораздо шире, чем у канавы, – говорит Гонтия, задумчиво постукивая пальцем с длинным черным ногтем по подбородку.

Я отошла от мутного зеркала и с готовностью слушать кивнула. Гонтия чуть прищурилась и внимательно глядит на меня. На миг мне кажется, что взгляд черных глаз устремлен куда-то над моим плечом, и мое воображение услужливо рисует образ мерзкой старухи, вставшей из мертвых, что сыплет комьями могильной земли у меня за спиной.

– Как ты будешь защищаться, если за стенами твоего дома разразится ненастье? – гипнотическим голосом заговаривает Гонтия. На меня ли направлено таинственное колдовство или на кого-то за моей спиной? Колдовство ли это вообще или трепыхание моего разума, силящегося найти рациональное зерно в происходящем? – Пурга, шторм, землетрясение? А если к твоему дому подкрадется чужак? Убийца, вор, сумасшедший? А если в потемках у дома затаится нечто неведомое, нереальное, выползшее из самых страшных кошмаров? А если жуткая тварь облепит твой дом, если она окажется больше твоего дома? Как ты будешь защищаться, если монстром окажется сам дом?

По моей спине стекает холодный липкий пот, я чувствую, как дрожь пробивает все тело, а я не в силах как-то это остановить. Я прикована взглядом, обездвигена голосом. Мне даже не

нужно прилагать усилий, чтобы вслед за словами в голове возникали диктуемые образы. Ночь, дом, я одна в нем. Гремит гроза, трясутся стены и рычит сама земля. Тень мелькает за окном, с лицом скрытым, с ножом, зажатым в руках. Человекоподобная тень обретает третью руку, рога и хвост, она разрастается размером с дом и становится все больше. Сам дом превращается в жуткую тень с ножом и взглядом, как расчерки молнии.

– Какая ты впечатлительная, Лидия, – вдруг насмешливо произносит Гонтя, и наваждение резко отпускает меня, оставляя ощущение, будто меня скинул с обрыва самый дорогой мне человек. Ужасное чувство.

– Это была история? – мой голос звучит жалко, но если молчать, то буду выглядеть еще более слабой.

– Нет, просто настраиваю голос. Мне кажется, ты принесла с собой простуду! Першит что-то в горле. Когда закончим, непременно выпью чаю с медом.

Их обманули.

Марго и Алекс не были в отчем доме вот уж много лет. Алекс, как старший брат, превзошел в этом деле свою сестру на пару лет, но ощущения у них все равно были одинаковыми – оказавшись перед некогда родным домом, они оба его не узнавали.

Началось все с того, что и сам город изменился до неузнаваемости с момента их отъезда. Алекс пошутил даже, что они запаматовали так, что перепутали город.

– Любезный! – окликнул Алекс встречного человека, бородатого мужчину в хорошем костюме. – Не подскажите, как пройти к Зеленой улице?

– Зачем вам туда? – неожиданно хмуро спросил мужчина. – Там ничего нет, в этой выгребной яме.

Вежливая улыбка, напитанная насмешкой над собственной беспомощностью, померкла на лице Алекса, превратившись в недоуменную гримасу.

– Мы там жили, – осторожно ответил он. – Наш дом на этой улице, там и по сей день живут наши родители.

Марго испуганно косилась на странного мужчину, сверлящего взглядом ее брата. Первое впечатление о незнакомце сложилось у нее вполне хорошее, но вот его ответ порядком ее напугал.

– На Знойной улице? – недоверчиво уточнил незнакомец. – Ваш дом?

– На Зеленой, – облегченно выдохнув, поправил Алекс. Марго тоже расслабилась, поняв, что вышло недопонимание. Хотя в ее памяти в этом городе не было улицы Знойной.

– А, – вскинув брови, протянул мужчина. – Простите, такой улицы в этом городе я не знаю. Но я недавно здесь, так что могу чего-то не знать.

Они раскланялись и разошлись в разные стороны. Все со странным осадком на душе.

Бесплодный разговор и собственная дурная память принудили брата и сестру и дальше искать помощи у прохожих. Правда, кого бы они не остановили, каждый неизменно слышал иное название улицы и отзывался о той, другой, самым нелицеприятным образом. Так чувственно и так пренебрежительно говорили о Знойной улице, будто она была живой и определенно задолжавшей всему городу крупную сумму денег, которую не желала отдавать.

Большую часть пути Алекс и Марго прошли, ведомые потребностью найти дорогу и потаенным потенциалом собственной памяти. В конце концов им попала старушка, что с первого раза правильно расслышала название улицы. Она и указала им направление. Как оказалось, всего-то нужно было преодолеть еще один поворот – и вот, та самая улица!

– А ведь говоря о Знойной, люди указывали в эту сторону, – вдруг поняла Марго.

– Может, в конце Зеленой выстроили Знойную? – предположил молодой человек, рассеянно пожав плечами. Ему не терпелось наконец увидеть своих стариков.

Вскоре Алекс и Марго остановились возле их дома. Остановились в растерянности. На до боли знакомой и родной кованой калитке висела табличка с жутким посланием: «Осторожно, гневливая пятилапая собака!»

Марго испугала не столько сама надпись, сколько человек, что эту надпись придумал. Ее родители, строгие и воспитанные люди, до такой шутки никогда бы не опустили. Она недоуменно переглянулась с братом, но тот лишь выдавил растерянную улыбку.

– Может, кто-то им сильно досаждал? – неуверенно предположил Алекс. – Вот и решили отпугнуть.

Калитка открылась с визгливым скрипом, но дорожка, ведущая под углом вглубь участка, была ухожена: очищена от сора и дерна. Марго быстро позабыла о странной табличке, погрузившись в трепетное волнение от скорой встречи и от того, что вот-вот – только завернуть за раскидистые ивы – увидит родной дом. Они ведь с Алексом не предупредили родителей о своем приезде – решили сделать сюрприз. Марго живо представляла, как сначала испуг, а после радость появится на лице матушки, как обычно скупой отец смущенно отвернется, тихом утирая слезы. Конечно, ведь его дети так выросли: старший сын возмужал и оброс густой бородой, а младшая дочка похорошела, обрела величавую осанку и мудрый взгляд.

Обогнув знакомые ивы, они замерли. Теперь растерянность тесно переплелась с тревогой. Дом, что был в памяти обоих, совсем не походил на тот, что предстал перед ними. Не дом это даже, а щепка былого.

Дом Марго категорически не нравился. Сначала неприязнь была только внешней, но стоило подняться по ступеням крыльца, как неприятие проникло внутрь – запах просочился через нос и скрутил все внутренности.

Не запах запустения, но и не счастливой жизни. Не запах гнили, но и не благородной древесины.

Фрамуги из мутных синих и зеленых стекол источали холод, свойственный льду. Выступающие деревянные панели двери придавали той вес, свойственный могильной плите. Дощатое крыльцо под ногами скрипело и стеноло, словно намереваясь вот-вот обвалиться и увлечь внезапных гостей в самые недра земли.

Алекс первым поднялся по скрипучим ступеням крыльца и протянул руку к подернутому патиной кноkerу. Марго, всеми силами стараясь отогнать от себя мрачные мысли, остановилась за плечом брата. Молодой человек опустил кольцо, но то едва коснулось с глухим стуком, когда дверь открылась.

Теперь Марго полностью завладели самые скверные подозрения. Нет, это уже была уверенность. Что-то произошло за то время, пока они добирались сюда. Они обменивались с родителями письмами, но последнее от них пришло около двух недель назад, и оно не содержало в себе плохих или тревожных вестей. Что же случилось за это время? Марго отказывалась даже мысленно отвечать себе на этот вопрос. Другая мысль помогала избегать ответа, и мысль эта была: «Мы опоздали. Мы не успели».

Дверь с тихим стуком притворилась, глубоко войдя в покосившийся откос. Сразу стало темнее, и Марго, чтобы хоть как-то разбавить навалившийся сумрак, решила снова открыть дверь. Та не поддавалась, и женщина, боясь разбередить пыльные залежи, отказалась от этой идеи. Алекс как раз нашел несколько свечей, что всегда лежали в верхнем ящичке комода в прихожей.

Лучше бы они не зажигали свечей.

Подавив вскрик, Марго плотно зажала ладонью рот. И хоть дышала она в свои ледяные пальцы, огонек свечи колыбался, словно находился на буйном ветру.

Алекс, от рождения более решительный, ринулся по лестнице вверх. Уже не было сомнений, что их приезд не будет увенчан родительскими слезами радости и крепкими объятиями. Теперь оставалось только понять: как, когда и... быстро ли?

Марго вбежала на несколько ступеней, но после остановилась. Испуг, подхлестнувший ее, обратился полновесным страхом, сковавшим ее ноги. Нет, пусть уж брат сначала посмотрит, а уж потом... потом, конечно, и она...

Алекс предательски молчал, ни единым звуком не проясняя ситуацию. Как скрылся на втором этаже, так и исчез. Марго оставалась на лестнице, освещая пространство вокруг себя трепыхающимся огоньком свечи. Не стоило ждать от этого огонька какой-то честности, но все же Марго сетовала про себя на то, что неровный свет и ее глаза обманывают ее – ну не могут быть стены вдоль лестницы такими грязными!

Прикрывая огонек, чтобы не потух от резкого движения, Марго начала осматриваться, наводя свечу на некогда желтые стены. Страх за родителей постепенно притуплялся, потому что на его место приходило нечто ранее ей неведомое, непостижимое и, отчасти, непосильное. В женщине накапливалась ярость.

До или после, как нечто произошло, в их дом вторглись. Некто наглый, бессовестный, омерзительный. Марго разглядывала следы, оставленные на стенах, и поражалась низости, на которую способен человек. На стене обнаружили отпечатки ног, кривой вереницей уходящих то вниз, к ступням, но вверх, под самый потолок. И как умудрились? Должно быть, кто-то высокий поддерживал кого-то, обладающего маленькой и грязной ступней.

Негодую про себя, Марго опустила глаза. Наморщила лоб, а после и присела, чтобы уж точно убедиться. Да, как есть – на ковровой дорожке, вдавленной уже в ступени, отчетливые отпечатки ладоней. Да что они тут творили, эти подлые вору или кто они там?

Алекс все не спускался и не звал Марго. Сверху вообще не доносилось никаких звуков.

Женщина поднялась на площадку между лестниц и остановилась перед последним маршем, отделяющим ее от лицемерия страшной реальности. Едва она подхватила юбку, чтобы сделать шаг, как наконец-то показался брат.

– Их нигде нет, – озадаченно проговорил Алекс, чуть сипя от волнения и растерянности.

Марго же, возможно потому, что желала думать о чем угодно, кроме как о родителях и подлых вандалах, уперла взгляд в свечу, которую держал брат. Она отчетливо помнила, что Алекс достал из ящичка свечи, длиной в две ладони. Еще она была уверена, что прошло не так уж много времени. Сколько точно – не решалась сказать, но уж точно недостаточно, чтобы свеча прогорела на две трети.

– Чердак? – только и сказала Марго.

По спине пробежал холодок. Что же случилось? Неотвратимый рок застал двух стариков за обедом или же чья-то злобная удавка свершила чужую волю? От мысли, что где-то сидят или лежат тела, а Марго с Алексом ходят по дому в их поисках, задрожали руки. Сначала улицу в родном городе не могли отыскать, а теперь вот и ... тела родителей.

Когда на руку капнула горячая капля воска, Марго вскрикнула. И заметила, что от ее свечи тоже осталась половина. Неужто воск плохой? Или фитиль?

Алекс нервно растирал лоб, не зная, куда бросить взгляд, чтобы найти ответы. Он не узнавал свой дом, хотя замечал незначительные детали, напоминавшие ему о детстве: отметки роста с подписями на обоях, сколотый плинтус, подранный кошкой подлокотник дивана. И фотография, что стояла на каминной полке, тоже была их. Да только веяло от этих вещей чем-то чужим, незнакомым, неестественным. Будто кто-то снял неудачную или, наоборот, очень удачную копию с этих вещей и поместил в очень удачную копию самого дома. С самого первого взгляда на дом Алекс не мог отделаться от этой мысли.

Он не стал отговаривать сестру от похода на чердак, хотя сам сомневался, что они там что-то найдут. Не потому, что родителям в целом нечего было делать на чердаке, а потому, что был уверен – их там нет, как и во всем доме. Последнее письмо от родителей он получил неделю назад. Значит, тогда они еще были живы и здоровы. Дом же, в который они с Марго

пришли, подернулся такой густой пылью, будто его не убирали без малого несколько месяцев. Да и запах, витавший вокруг, не таил в себе сладкого запаха умирания.

Чердачная дверь располагалась в конце коридора на втором этаже. За дверью – еще одна лестница, короткая, но уводящая круто вверх, на сам чердак. Алекс потянул дверь на себя, но скрип ее петель потонул в звуке, разорвавшем давящую тишину дома. От неожиданности Марго вскрикнула, выронив свечу. Та, покотившись по полу и ударившись об стену, потухла. Лай собаки не прекращался.

– Та самая пятилапая собака? – попытался пошутить мужчина, но смешок выдался натянутым.

– Она будто в доме, – испуганно прошептала сестра, не отличавшаяся ранее такими глупыми страхами. – Давай уйдем. Алекс, я хочу уйти отсюда.

Алекс, говоря по совести, был рад поскорее покинуть это место, но долг перед родителями принуждал его отбрасывать всякие малодушные мысли. А собака, что же, могла забрести сюда случайно.

– Проверим чердак и уйдем, – сказал он. – Если хочешь, подожди здесь.

Марго замотала головой. Собака продолжала лаять, хоть и надорвала голос. Лай, как удары молотка по деревянной крышке.

Алекс открыл дверь и, держа перед собой руку со свечой, двинулся вверх по лестнице. Сестра неотступно следовала за ним. Стоило двери закрыться за ней, как стих и лай осипшего пса.

Как и ожидалось, ничего, кроме старой мебели, брат и сестра не нашли. Марго, не скрывая облегчения, смешанного со стыдом, довольно быстро припустила обратно к лестнице. Даже без свечи она безошибочно начала спуск.

Марго начала спускаться на первый этаж, но замерла, едва преодолев первые ступени. Алекс, спеша за ней, налетел сзади и подтолкнул еще на две ступени вперед. Этот марш вел на пролет между первым и вторым этажом дома. Даже хилого огонька хватило, чтобы осветить ошибочность этого суждения.

– Что за..., – обескураженно прошептал Алекс, поднимая свечу выше, хоть это и не требовалось.

Лестница упиралась в глухую стену. Ту самую стену, обклеенную обоями со знакомым орнаментом. Ту самую стену, на которой причудливой вереницей вились следы ног. Правда, к этой веренице прибавились еще следы ладоней, что также лихо отпечатались как у самого пола, так и под потолком.

– Это какая-то бесовщина, – сказал Алекс, крепче ухватывая Марго под локоть и увлекая ее обратно на второй этаж. – Надышались чем-то, вот и мерещится.

– Обоим одинаковое? – бесцветно уточнила женщина, послушно идя за братом.

Она неотрывно смотрела на стену, вместо которой должна была быть лестничная площадка. Веяло чем-то от этой стены безрадостным и роковым. Верь не верь, а это есть. Отрицай сколько хочешь, но стену эту не сдвинешь, не обойдешь. Только смириться, только принять как данность и, по-хорошему, не поливать коварную стену своими воплями и слезами.

Алекс резко остановился, отойдя от лестницы всего-то на шаг. Марго, насилу оторвав взгляд, посмотрела на брата, а затем на то, куда, в свою очередь, пристально смотрел он. На пол. На окно, открывавшее уже ночной небосклон и светящийся серп луны. Этот лунный свет проникал в дом, облачая его полупрозрачной серебристой вуалью и очерчивая и без того бездонные тени. Окно в полу имело крепкую деревянную раму и литые задвижки. Такие же окна были во всем доме. Только, как и полагалось, в стенах.

Громкий лай собаки заставил вздрогнуть теперь и Алекса. Он не выпустил из рук свечи, но прогоревшая почти целиком, она полилась горячим воском ему на пальцы. Огонек затрепетал, но не погас. Пока еще.

– Смотри! – вдруг воскликнула Марго, вскинув руку и дрожащим пальцем указывая в глубь коридора. Там, где по назначению была глухая стена, теперь темнела дверь.

Алекс силился сохранять рассудок. Или это рассудок силился сохранить Алекса. Творилось нечто невообразимое, невозможное, но мужчина не спешил считать себя обезумевшим. Он не признавал ни мистичности происходящего, но и не признавал, что такое в самом деле возможно. Балансировал где-то на грани. Их с детства учили, что ни духов, ни бесов, даже богов-то не существует, все чудеса и все беды творит только сам человек. Интересно, что бы сказали родители, увидев то, что видят их дети? Какому человеку они приписали бы фокусы с окнами, дверьми и стенами?

– Что же, пойдем, – взяв сестру за руку, Алекс направился к возникшей двери.

Марго решила открыть эту дверь, продолжая другой рукой сжимать ладонь брата. Дверь послушно открылась. Она вела на улицу. С высоты второго этажа мужчина и женщина видели задний двор их дома, где когда-то в детстве беззаботно играли.

Алекс готов был прыгнуть, лишь бы поскорее оказаться за пределами этой бесовщины.

– Смотри, – снова прошептала Марго, но в этот раз с трепетом страха, а не удивления.

Там, внизу, где качели мерно покачивались в такт навевающему ветру, под куполом старой ивы стояла женщина. Эта женщина держала за холку собаку неясной, но крупной породы. Вместе, и женщина, и зверь, смотрели на дом. Ни у брата, ни у сестры не возникло помысла окликнуть, попросить о помощи. Что-то внутри подсказывало, что в этом нет смысла. Эта женщина с собакой – еще одна стена, которую не обогнуть, не пройти насквозь, не проломить.

Собака залилась хриплым лаем. Тем самым, что звучал так отчетливо близко, будто раздавался прямо за спиной. Марго даже обернулась, но, конечно же, никого не увидела.

– Я спрыгну, – заявил Алекс. – Ты следом. Я поймаю тебя.

Испугавшись услышанного, женщина вцепилась в отвороты куртки брата. Он ведь расшибется, прыгая в темноту. В детстве они часто баловались так, прыгая со второго этажа, да только перед этим стелили пуки скошенной травы или набирали охапку опавших листьев. И даже тогда не обходилось без травм – однажды Алекс так сломал ногу, а Марго расшибла голову. Какой же нагоняй они тогда получили от родителей! И столько же потом заботы и внимания, когда пришлось лежать в кроватях ничком, залечивая травмы.

Высвободившись и отдав сестре огарок свечи, Алекс перенес вес на одну ногу, собираясь как следует оттолкнуться. Он уже не тот мальчишка, чьи кости хрупки. Но если и повредится ненароком, то это лучше, чем продолжать терзать свой разум, что вскоре не выдержит и сломается под гнетом этих заколдованных стен.

Он подался вперед и оттолкнулся, сразу выставя руки вперед, чтобы защитить голову. Удар пришелся раньше, чем он думал, и сильнее, чем рассчитывал. Так и не бросившись вниз, Алекс ударился о стену. Будто и не было в ней двери, и не была та открыта.

Закричав, Марго необдуманно вскинула руки. Из ложбинки свечи плеснул растопленный воск прямо в лицо женщине. Огонек, перед тем как погаснуть, перекинулся на ее волосы, что вмиг занялись. Удушливый запах скользнул в нос, жгучая боль охватила глаза, а после щеки и лоб. Марго заматалась, пытаясь сбить огонь, охвативший ее волосы.

Алекс, ошалелый после удара, бросился на подмогу. В четыре руки они сбили огонь и очистили ее лицо от воска. Когда Марго смогла открыть глаза, что болели, но были целы, то поняла: можно было глаз и не открывать. Только лишь свет из напольного окна как-то освещал темноту коридора, да и то до момента, пока молодой месяц не закрыли тучи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.